

Ф.С. САЙФУЛИНА

**СУФИЙСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СИБИРИ**

Мақалада Сібір және Түмен аймағын мекендейтін татар халқының әдеби мұрасы талданады. Автор жүздеген жылдар бойы түркі халықтарының рухани қажеттілігін қамтамасыз етіп, ағартушылық миссиясын атқарған – суфистік бағыттағы поэзия өкілдері – Икани, Хувайды, Амдами шығармаларының – эстетикалық-идеялық, дидактикалық-ағартушылық және адамгершілікке үндеуге бағытталған мазмұны сараланады.

В данной статье анализируется литературное наследие татарского народа, проживающего на территории Сибири, в частности, в Тюменском регионе. Здесь автором рассматривается поэзия суфийского направления – Икани, Хувайды, Амдами, творчество которых так или иначе связано с этим краем, выявляется идейно-эстетическая направленность дидактико-просветительского, нравоучительного содержания поэтических творений, на протяжении нескольких столетий выполнявших очень важную просветительскую миссию и отвечавших духовным нуждам и запросам представителей разных тюркоязычных народов.

The literary heritage of tatar people living on the territory of Siberia, especially, in Tyumen region is analysed in this article. The author examines works of poets of sufistic schools – Ikany, Khuvayda, Amdamy and scrutinizes ideologically-esthetic line of their didactic-educational and moralizing contents of poetic works, which played important educational role for a long time and satisfied spiritual needs and requirements of representatives of people Turkic language.

В современном литературоведении актуальным остается вопрос исследования средневековых письменных памятников, не находивших до настоящего времени внимания ученых. Безусловный научный интерес имеют литературные произведения средневековья, в том числе суфийской направленности, обнаруженные во время научных экспедиций, хранящиеся

в государственных и частных архивах. До настоящего времени обнаруживаются еще не исследованные литературные произведения, которые имеют как научную, так и эстетическую и воспитательную ценность.

При анализе тюрко-татарских письменных памятников древности и средневековья современная литературоведческая наука часто встречается с проблемами объяснения, трактовки и комментирования данных текстов, так как зачастую только этот подход к первичному анализу произведения помогает понять и воспроизвести основную мысль, заложенную в них для современного читателя. Учеными-текстологами на протяжении XX века проводилась объемная работа по восстановлению подлинных текстов, выяснению множества обстоятельств создания произведения, также определению места написания, что помогает раскрытию их идейного замысла, ответить на некоторые вопросы по уточнению содержания, выяснению языковых особенностей анализируемых произведений.

Краеведение, направленное на исследование письменных литературных текстов отдельного региона, является также одним из приоритетных направлений современного литературоведения. Изучение и анализ местного литературного разнообразия открывает исключительную возможность общего взгляда на литературное наследие края, позволяет многое прояснить в современном состоянии литературы, в выявлении духовных приоритетов народа как в историческом плане, так и в современный период развития. Это касается также татарской литературы Сибири (Тюменского региона), которая является объектом исследования в данной работе.

Нужно отметить, что в последнее десятилетие особо актуализировалось изучение татарской литературы края, как современного ее состояния, так и истории ее развития. Комплексное исследование истории формирования, развития татарской литературы Тюменского региона и ее современного состояния является назревшей проблемой татарского литературоведения, так как она связана с актуальной проблемой современности – проблемой сохранения родного языка, возрождения и развития национальной культуры в регионе.

К настоящему времени в литературоведении определилось несколько взаимосвязанных подходов к изучению и анализу краеведческого материала: текстологический, исторический, литературоведческий, литературно-критический. Эти направления дают возможность комплексного исследова-

дования литературного процесса в регионе и помогают в восстановлении утраченных культурных ценностей, многовековых литературных традиций, выявить, с одной стороны, особенности изучаемого материала в контексте литературы Сибири, с другой – определить место регионального словесного наследия в едином процессе национальной тюрко-татарской литературы.

Татары являются одними из коренных жителей региона, этим и объясняется сравнительное богатство региональной татарской литературы. Обнаружение учеными все новых и новых письменных памятников тюрко-татарской литературы древности и средневековья, созданной в Сибири, объясняется также этим обстоятельством.

Исследования ученых-литературоведов последнего десятилетия XX – начала XXI вв. дают возможность вести речь о татарской литературе, с одной стороны, как о составной части литературы сибирского региона, с другой, как о неотъемлемой части татарской национальной литературы.

Вместе с активным изучением современного состояния татарской региональной литературы, особое внимание уделяется выявлению новых имен, а также анализу и комментариям обнаруженных литературных памятников древности и средневековья. Данные работы дают некоторое представление о состоянии образованности, культуры и мировоззрения народа, о его приоритетах и нравственных устоях в определенную эпоху развития [1, с. 296; 2, с. 180; 3, с. 124-127; 4, с. 415].

Одним из оснований научных исканий в области региональной литературы является компетентное мнение известного во всем тюркском мире писателя и историка-богослова Ризаутдина Фахрутдинова, автора многолетнего именитого труда «Асар» («Памятники»), который еще в XIX в. писал о том, что в Сибири мусульмане делают намного больше полезного по сохранению наследия отцов и дедов, чем мусульмане Поволжья, и, что литературные памятники древности необходимо искать в Сибири: именно сибирские татары в средние века оставили лучшие поэтические произведения [5, с. 30-31].

Вслед за ученым можем утвердительно сказать о том, что к XVIII-XIX вв. Тобольская губерния стала неким культурно-просветительским центром, объединяющим ученых-просветителей, выходцев из Сибири, Поволжья, Средней Азии, так как она была местом пересечений и взаимовлия-

ний многих исторически родственных тюркских литератур и культур: уйгурского, казахского, татарского и др. Здесь для образованных людей была возможность заниматься литературным творчеством, переводческой деятельностью. Под влиянием разных литературных взаимосвязей и взаимовлияний татарская литература вобрала в себя многие качества восточной литературы, обогащаясь и развиваясь на основе богатых литературных традиций.

Наличие в крае в XIX веке библиотек, где хранились многочисленные редкие издания, привезенные из Бухары, Саудовской Аравии, Турции и др. мусульманских стран говорит о том, что сибирские татары были весьма образованными людьми. Только в библиотеке Ембаевского медресе (с. Ембаево Тюменского района), собранной и организованной известным купцом Нигматуллой Кармышаковым, хранилось более 2200 книг и рукописей. Есть достоверная информация о том, что в городах Тобольске, Таре также функционировали библиотеки [6, с. 52-55].

Отдельные ученые-историки края, опираясь на новые находки и исследования по ним, так же склонны утверждать, что Тобольская губерния, в частности, Карагайские юрты (д. Карагай Вагайского района), некогда являлись если не «оплотом суфизма», то непременно «центром мусульманского района»; «своего рода резиденцией сибирско-татарских или сибирско-бухарских хаджей, так или иначе связанных с конгрегацией Накшбандийа» [7, с. 480-502; 8, с. 33-36; 9, с. 32-36], что также предполагает наличие художественной литературы суфийского направления. Добавляет уверенность в этом обнаружение учеными в 2005г. в деревне Большой Карагай Вагайского района рукописной книги, представляющей сборник, составленный по аналогии современных хрестоматий, включающий различные тексты суфийского содержания – «краткого курса» обучения ритуальной практике исламского мистицизма. К сожалению, ученые края пока не располагают достоверной исторической информацией ни об одном имени из ишанов предполагаемой суфийской обители в Карагайских юртах XVII-XIX вв., ни о местах их захоронений, которые могли бы явиться объектами почитания среди местного мусульманского населения. Но все же, данные находки ученых также могут стать косвенной причиной, наталкивающей на поиски неизвестных литературных памятников, созданных тюрко-татарскими авторами, чья жизнь так или иначе связана с Сибирью.

В подкрепление основной мысли данного исследования, касающейся духовного состояния татарского общества, смеем привести в пример творчество поэта Икани, который также введен в научный оборот в последние годы, в связи с тем, что открылось новое видение его творческого наследия. Стихи поэта сохранились включенными в популярный некогда среди татарского населения сборник «Бакырган китабы» [10, с. 209], который объединяет произведения тюрко-татарских поэтов-суфиев XII-XVIII веков. Несмотря на многократные переиздания этого сборника до конца XX столетия, о поэте Икани ничего не было известно: ни в списках суфиев-шейхов, ни в энциклопедических словарях знаменитых ученых прошлых веков Востока о нем не упоминается [11, с. 189].

Публикация Н.Ф.Катанова «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири», основанная на двух рукописях, написанных арабской вязью Сагъди Вакассом-ибн-Реджебом, Кашшафом-ибн-Абу-Саидом («Шайхларнинг гарбий Сибирдаги диний жасоратлары»), хранящихся в Тобольском музее [12], натолкнула ученых на некоторые размышления по поводу поэта Икани. В упомянутом источнике, наряду с именами многочисленных шейхов, проповедовавших в этих краях ислам, есть упоминание о мавзолее «почтенного шейха Айкани/Икани», находящегося «в Искере», что подвигло на размышления по поводу поиска ответа на вопрос об идентичности этих личностей.

Последние находки (протограф родословной сибирско-татарских святых (сэчэрэ-шэжэрэ), список которых был опубликован в свое время Н.Ф.Катановым, свод суфийских текстов), обнаруженные историком, исследователем края И.В. Беличем в деревне Карагай Вагайского района Тюменской области летом 2004 года, прочитанные литературоведом Ф.З.Яхиным, укрепили эти предположения. По данным так называемого «Карагайского свитка» ученый пришел к выводу о том, что именно поэт Икани, который представлен как автор стихов, включенных в «Бакырган китабы», является одним из 366 шейхов, прибывших на Сибирскую землю в 1394 году с целью распространения ислама среди местного населения. Опираясь на содержание этой ценной исторической находки, можно утвердительно сказать, что поэт был похоронен на берегу реки Иртыш (Абу-Джирс). Других данных о поэте Икани, к сожалению, не обнаружено. Таким образом, есть основание предположить, что автором 18 стихотворений, сохранившихся

до настоящего времени в вышеуказанном сборнике, является поэт Икани – один из шейхов, которые были «вооружены верой в Аллаха» и единым желанием и стремлением помочь другим в познании ислама. Косвенные подтверждения этому можно обнаружить и в его произведениях.

Имя Икани, переводимое как «Иманлы» («верующий»), также дает ключ к пониманию содержания его известных стихов, написанных под влиянием суфийских представлений автора. Произведения поэта Икани являются продолжением суфийских традиций, весьма распространенных в Средневековье. Суфизм, являющийся одним из основных направлений литературы средних веков, был распространен среди народов, придерживавшихся ислама.

На протяжении целого ряда столетий, суфизм – как сокровенное учение, направленное на познание Истины с целью возвышения человека на более высокую ступень совершенства, был объектом самого серьезного внимания со стороны философов, историков, филологов Запада и Востока. В разные периоды развития татарской духовной культуры, в зависимости от политических и социокультурных условий, мыслители, ученые и поэты по-разному истолковывали пути достижения человеческого нравственного совершенства. Суфии провозглашали свою приверженность учению Пророка. Они размышляли над смыслом стихов Корана, строго следовали предписаниям и сунне Пророка, много молились, постились, придерживались культа бедности, трудились лишь для удовлетворения повседневных потребностей. Также суфиев отличали глубокий анализ тончайших переживаний человека, как известно, суфизм шел от практики к теории. Стремление суфиев к их главной цели – восхождение к Истине.

В «Книге Бакырган», состоящей из 143 лирико-философских и лиро-эпических произведений, стихотворения с девяностого – по сто восьмое принадлежат поэту Икани. Стихи написаны с широким применением суфийско-религиозной терминологии. Хотя данная хрестоматия издавалась несколько раз в Казани, начиная уже с 1847 года, стихи изучаемого автора не подвергались анализу, в литературно-художественном плане также не исследовались.

Судя по содержанию стихов поэта Икани, мы можем рассуждать об их суфийской направленности. Поэт говорит о том, что «Абсолютную истину» не стоит искать вне человека, истина, как и вера в Аллаха, хранится в его душе. По мнению поэта, «Зикр» – обращение к Всевышнему, очищает

душу человека для познания абсолютной истины. (Зикр (араб. *ذِكْر* «по-минание») – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога. Зикр в исламе развился в основном как медитативная практика суфизма) Иногда в своих стихотворениях Икани вместо слова «зикр» пользуется тюркским вариантом этого понятия – «яд кылу», что означает «помнить, вспоминать». Но в понимании суфиев «помнить Всевышнего» не значит просто «держать его в памяти». Икани утверждает, что Всевышнего необходимо помнить, понимать и воспринимать не умом, а душой.

Икани неоднократно пишет о том, что «помнить всегда о Всевышнем, нести его в душе» – это не религиозный ритуал, а определенное состояние души верующего человека в каждодневном бытии. В своих стихах поэт часто напоминает о том, что при общении со своим духовным учителем не следует пребывать «в сонном» состоянии, а необходимо получить от него «батыйн» – «тайну знания», которая связана с Абсолютной истиной, стать его «другом» и идти за ним. Известно, что «пробуждение ото сна» в суфийском понимании – переход из материального мира в мир духовный.

В стихотворении, посвященном «закиру» («Человеку, молящему Всевышнего»), он пишет:

Мунис иткел ядыны күңлең едә даимә,
Калмагай сән, энәс, һәргиз нәфсе-шәйтаның белән.

Поэт утверждает, что если будешь носить в душе (т.е. искренне верить) Всевышнего и сделаешь «пристанищем истины» свою душу, то тогда ты сможешь победить свою страсть, алчность. По утверждению суфиев, алчность, ненасытность, жадность, страсть – это черты характера, порожденные Дьяволом, присутствуют в каждом человеке. Если эти пороки одержат верх, то нет сомнения, что ты становишься прислужником Сатаны. Но дьявольские чувства можно победить, если быть искренне верующим человеком. Познающий вечную истину человек не может быть алчным, жадным, ибо для него материальный мир, бытие являются временными. Алчность и жадность разрушают веру, поэтому, как пишет Икани, верующий должен быть всегда «полным слез», помня о Всевышнем. Человек «гирийан», то есть «полный слез», не тратит время на веселье, а постоянно думает, мыслит. Продолжая традиции поэтов-суфиев, он также преподносит мысль о том, что бездеятельность, лень является самым постыдным качеством че-

ловека. Веселье и бездеятельность в их понятиях суфиев имеют один и тот же смысл. Имея это в виду, поэт Икани пишет:

Мәгърифәт хасил кыл вә бул әһле-гыйрфан хийледин,

Сийде кылгыл үзеңә галәмне гыйрфаның белән.

Поэт утверждает, что нельзя жить в невежестве, так как в конце жизненного пути каждый остается только со своей верой, то есть с достигнутой за всю жизнь истиной. Материальные блага, богатства – все остается на брэнной земле, никто их с собой не сможет унести в мир иной, а Истина, которая прочно заняла место в душе, не исчезает, так как душа бессмертна. Поэтому Икани призывает «закира» (человека молящегося, верящего во Всевышнего) познать и ввести Истину в свою душу.

Здесь можно обратить внимание на то, что в стихах Икани довольно часто встречается обращение к Всевышнему Аллаху как к Тангере, что также часто используется как в тюрко-татарской поэзии, так и в современной речи у сибирских татар.

Одно из стихотворений Икани, отражающее суфийские размышления поэта о человеческой душе, о возможности его очищения, начинается словами: «Егълагыл у хәлеңә...» («Оплакивай свое положение...»). Идея суфийского плача, которая помогает духовному очищению, звучит также и в других стихотворениях Икани: «И бихайр» («О негодный»), «Үлемнен илчесе» («Посол смерти»), «Үлем килде» («Пришла смерть») и др.

Стихотворение Икани «Бивафадыр ошбу дөнъя» («Не постоянен этот мир») посвящено рассуждениям о смысле жизни человека на Земле. На этот брэнный мир, по мнению поэта, положиться нельзя, так как, кроме смерти, в конечном счете, он ничего не может дать. В этой жизни человеку поможет только вера, а вера не может обойтись без «зикра». Исходя из такого представления о вечной жизни в мире ином, человек должен искать истину, помня о Всевышнем, совершать благие дела. Но, вместе с тем, в поэзии Икани звучит мысль о том, что жизнь бесценна. Идея значимости жизни человека раскрыта в его стихотворении «Гомер кадере» («Ценность жизни»). Поэт убежден, что жизнь бесценна, но в невежестве, без познания Истины она станет бессмысленной.

Суфийские нравоучения и назидания характерны и для других стихотворений шейха Икани, в которых он напоминает о нужности совершения праведных поступков, необходимости совершения намаза, чтения Корана и т.д. В стихотворении «Уянгыл» («Проснись») поэт, как бы обращаясь к самому

себе, просит читателя не быть невеждой. Автор пишет следующие строчки, которые привлекло наше внимание: «Гариплыкта үләр ирмеш Иканий» («Находясь на чужбине, умрет, наверное, Икани»). Эти строки усиливают предположение о том, что поэт и шейх Икани – одно и то же лицо.

Некоторые биографические данные о поэте можно обнаружить и в других его произведениях. Например, в стихотворении «Кәлли гөлзари» («Все цветущие сады») поэт, используя поэтическую образность, пишет о том, что и в цветущие сады приходит осень. Так и жизнь человека: цветет в положенное время, а потом приходит время его ухода. Поэтому он предлагает не считать своих денег, ибо они не смогут спасти в судный день, а вести счет своим грехам, что означает раскаяние в совершенных грехах, чтобы далее не совершать их совсем. В другом стихотворении, «Булыбән хәүфә» («Ощущая страх»), он пишет, что:

Иканий, ятма гафил, иртә купкыл,
Карый булдым тию кылма бәһанә.

Данные строчки указывают на преклонный возраст написавшего эти строчки автора.

Поэзия Икани призывает читателя хранить в душе мысль о Всевышнем, заниматься познанием Абсолютной Истины, очищать душу от грехов и не допускать совершения дурных поступков, быть трудолюбивым, ненавидеть невежество, лень. Даже в пожилом возрасте человек не должен остановиться в познании истинного смысла жизни, ссылаясь на свой почтенный возраст. Человек с таким мировоззрением и суфийскими взглядами вполне мог быть среди тех, кто проповедовал в этих краях (в Сибири) ислам.

Объемное поэтическое произведение «Рәхәте-дил» – «Жан рәхәте» («Душевная благодать») поэта средневековья Хувайды (Һөвәйдә), по рассуждениям литературоведа Ф.З.Яхина, подготовившего к изданию данное произведение, также может иметь «сибирское происхождение».

Как и многие произведения средневековья, «Душевная благодать» создана автором в жанре стихотворного дастана. По традиции тюрко-татарской литературы, в одном из глав, озаглавленном как «О книге и его авторе (да будет ему благословение Аллаха)», поэт оставляет некоторые биографические факты, откуда узнаем, что настоящее имя автора Хужа-Назар сын Гаиб-Назара:

Кәминә аты – Хужа-Нәзәрдер,
Атасының аты – Гаиб-Нәзәрдер.

Многие авторы древности и средневековья в своих произведениях оставляют некоторые данные о себе, о своем окружении. Иногда даже эти довольно скудные материалы, бесспорно, являются очень ценным источником для определения авторства, времени и места написания литературного памятника, так как в большинстве случаев содержание произведения является единственным источником, откуда можно черпать данные об авторе произведения, о его мировоззрении и литературных пристрастиях. В анализируемом произведении автор называет себя Хужа-Назар, что привлекло наше внимание, по причине того, что именно так некогда называли себя знатные личности из сибирских татар. Здесь важно также обратить внимание на имя отца поэта, который в стихотворных строчках назван как Гаиб Назар, первая часть из которых является религиозным дополнением к имени, которое подчеркивает о приверженности данной личности к суфийскому сану. Таким образом, упоминая о своем отце, поэт выделяет то обстоятельство, что он был приверженцем религиозных идей, известным в свое время суфием. Здесь также следует подчеркнуть, что в рукописных сибирско-татарских «Шәжәрә» (родословная), касающихся истории распространения Ислама в Сибири, которые бережно хранятся и передаются из поколения в поколение, среди многих имен шейхов упоминается также имя шейха Назара. По вышеупомянутым записям Н.Ф. Катанова («О религиозных войнах учеников шейха Багауддина...») читаем: «Из почивающих на берегу Иртыша святых – в Искере почтенный шейх Айкани/Икани; там же перед Искером шейх Бирий, шейх Назар, шейх Шерпети – все трое были родные братья из внуков Зенги-баба...».

Предположение о том, что отцом поэта Хувайды являлся не кто иной как шейх Гаиб-Назар, являвшийся одним из 366 шейхов, проповедовавших в Сибири Ислам, получает косвенное подтверждение в анализируемом тексте.

Поэт пишет, что их род известен добрым именем. В произведении также упоминается название местности «Жәмйан», которую автор считает местом своего рождения. Для данного исследования может быть важным также то, что автор пишет о том, что он оторван от родной земли (тоскует на чужбине). Возникает справедливый вопрос: откуда родом этот поэт. Составитель книги осмеливается провести ассоциативные параллели, рассуждая по поводу того, что эта местность может быть не что иное, как современ-

ный город Демьянка, расположенный на одноименном притоке Иртыша, хотя допускает и то, что поселения с таким названием есть также и в Узбекистане, а также в Иране.

Күңел шәһрегә Йегәнә газем кылды,

Китабым нәсриде, мән нәзым кылды –

продолжает автор, знакомя читателя с теми обстоятельствами, которые предшествовали написанию данного произведения. Здесь сообщается о том, что он, человек, преклоняющийся Единственному Всевышнему Аллаху, решил создать на основе прозы стихотворное произведение. Таким образом, остается возможность предположения о том, что данное произведение может быть создано на основе уже известного прозаического произведения. Далее также следуют интересные факты:

Бу Жәмйан шәһренең пиру-жәвани

Тәмамысы ирерләр төрки хани.

Алар гәрчә сүзегә биһөнәррак,

Дидем, булса китабым төрки бәһрак.

Следуя традициям поэзии Средневековья, по ходу текста автор несколько раз обращается к себе, делится с читателями своими размышлениями и чувствами по отношению своего творения, или же к содержанию написанного произведения.

Композиция многих средневековых тюрко-татарских литературных текстов имеют традиционную основу. Художественные произведения средневековья строились по определенному принципу, где выделялись обязательные части: глава «Башлам» (где обычно располагалось обращение поэта к Всевышнему о разрешении написать произведение, просьба благословить его на это дело; нередко встречается глава-обращение к государю, на территории которого жил поэт в момент написания произведения или служил при дворе), часто также присутствует так называемая глава «Мунаджат» (в данной части автор традиционно предоставлял некоторые автобиографические данные, отдельные важные моменты из жизни или же излагал свою жизненную позицию). Основная часть, которая обычно состоит из многочисленных глав, служила раскрытию сути основной идеи. Нередко в такого рода литературных памятниках присутствовала и такая часть, как концовка произведения.

Композиционное построение анализируемой книги, в основном, также подчинено данным традициям. Произведение «Рәхәте дил» состоит из вве-

дения (Башлам), здесь можно найти также строфы, которые можно отнести к части Мунаджат, основную часть книги, несомненно, занимают многочисленные главы-хикаяты (рассказы), объединенные между собой единой проблемой – религиозными наставлениями и назиданиями.

Вводная глава произведения Хувайды, как было упомянуто выше, является традиционной для тюрко-татарской литературы данного периода и также начинается с главы Башлам, где автор посылает восхваления в адрес Всевышнего Аллаха:

Сэнау-хэмде Халлақы жиһанга
 Ки хөкмен күрсәтеп яхшы-яманга,
 Тотыптыр бисәтүн күкне мөгаллак,
 Биреп шамсу-камәр дөнъяга раунак...

В этом мире все подчинено воле Всевышнего: ничего не может произойти без его дозволения, – рассуждает автор в начале своего произведения. Сравнительно объемная глава, которой выделено чуть меньше десяти страниц поэтического произведения, дает читателю Кораническое представление о мире, где все сотворено могуществом Всевышнего Аллаха и подчинено определенной гармонии. Здесь присутствуют поэтические отсылки на события, происходившие с библейскими пророками, при этом поэтическая образность подразумевает религиозно образованного читателя:

Биреп жан, мөште хакьга кылып жисем,
 Ушал дәм әйтте данаи һәр исем.

Здесь говорится о том, что Всевышний «вдохнул жизнь горстке земли» (т.е. подразумевается сотворение Аллахом Адама (саллаху галэйхиссэлам) и что «в ту же минуту дал понятие обо всем». Эта строфа напоминает верующим о том, что уже при сотворении Всевышним Адаму (с.г.с.) все знания были уже предоставлены. В таком же плане в этой части идут упоминания, связанные с другими пророками. Поэтическими образами и символами автор уже в начале произведения приводит к мысли о том, что в этом мире все создано Всевышним Аллахом и, в конечном итоге, вернется к нему же. Простому человеку не постичь всего того, что сокрыто от обычных глаз, все в природе подчинено только Ему, по Его воле собираются облака, а из воды рождается огонь (т.е. молния).

Кылыр һәм ут белән суны муафыйк,
 Чыкарыр су эчендин бәрку-офыйк.

Ни кыдса ирке бар вә кодрәте бар,
Аның алдында асандыр һәммә кәр.

Таким образом, глава Башлам настраивает читателя на то, чтобы воспринимать произведение, основанное на религиозной дидактике и направленное исправлению нравов, что соответствует основной цели средневековой суфийской литературы.

Далее по тексту следует также традиционная глава, посвященная восхвалениям последнего пророка Мухаммада (с.г.с): «Фи нәгътин Рәсүллуллаһи саллаллаһу галәйһү вәссәлләм» («Мөхәммәд пәйгамбәрне (Аллаһының аңа сәламнәре ирешсен) мактау өлеше» – глава, посвященная восхвалениям Мухаммада (да благословит его Аллах).

Автор здесь восклицает:

Бихәмдуллаһ – Мөхәммәт өммәтемез,
Кыямәт көн өмиде шәфкатемез.
Йир өстедә аты булды Мөхәммәд,
Бетелде гарше сакыйдә ки – «Әхмәд»

Хувайда с благоговением упоминает имя последнего пророка, называет его эпитеты: «Мостафа» («Избранный Всевышним»), «Хабибе Хак» («Тот, кто достоин любви Истины (Всевышнего)), «Нәгине әнбия» – пәйгамбәрләр тажы, пәйгамбәрләрнең йөзек кашы (ягъни Мөхәммәд пәйгамбәр), что означает самый драгоценный (значимый) из пророков, (подобно самой драгоценной короне) – такие эпитеты, без сомнения, были понятны читающей аудитории того времени.

Здесь поэт упоминает о том, что пророк Мухаммад (с.г.с.) является тем, кто по дозволению Всевышнего Аллаха придет на помощь правоверным в Судный день и даст шафагат (заступничество).

Обращает на себя внимание красочность поэтического слога Хувайды при описании достоинств последнего пророка:

Вөжүдедин мөзәййән булды фәреш,
Гобары кадмедер зиннәте гареш,

– пишет поэт о Мухаммаде (с.г.с). В данной главе автор еще и еще раз подчеркивает значимость пророка для всех людей, который взял на себя обязанность защиты всех тех, кто верует во Всевышнего Аллаха и в Судный день ждет от пророка защиты.

Глава заканчивается словами обращения к читателю, где поэт выражает свое негодование по поводу того, что люди, зная о том, что все в мире им

даровано Аллахом, не живут по предписаниям Корана, не следуют требованиям религии ислама, довольствуясь земными благами, забывают о духовном, при этом ожидают заступничества в Судный день. Если человек при жизни ничего не делает для того, чтобы получить защиту и заступничество, как же он может ожидать этого?

Эшең сәнең даим эчмәк-йиймәклек,
 Гажәптер сәндин «өммәт мән» димәклек.
 Берәүгә бирсә буручә нәмәрсә -
 Кылыр хөрмәт аны алган кем ирсә.
 Сәңа рузы Жәза ул кылса шәфкать,
 Нигә кылмәң аның әмрене хөрмәт?
 Айа и шом юк шәрмәндәи өммәт,
 Кани кылган намазың фарзу-сәннәт?
 Намазу-руза кылмай, и бөрадәр,
 Ничек шәфкать теләрсен рузы-Мәхшәр?

Следуя литературным традициям средневековья, автор посвящает также отдельные небольшие главы последователям пророка Мухаммада – праведным халифам Абу-Бакру («Бяне Әбү-Бәкер Әс-Сыйддыйк разаллаһу тәгалә ганһ»), Умару («Бяне Гомәр-Фәрук разаллаһу тәгалә ганһ»), Осману («Бяне Госман Зин-Нурин разаллаһу тәгалә ганһ») Али («Бяне Гали бине Әбү-Талип разаллаһу тәгалә ганһ»). Известно, что Абу-Бакр по наставлению Умара распорядился о сборе воедино подлинных записей Корана; Осман пригласил переписчиков, сам тщательно проверял их и занимался распространением священной Книги, Али также занимался распространением Корана и следил за тем, чтобы не было искажений в его содержании. В указанных главах упоминаются их хвалебные имена – Абу Бакр называется преданным, Умар – мудрым (постигающим мудрость), Осман – светлым (излучающим свет, лучезарным), Али – сильным (как лев). Здесь можем отметить, что примерное такое же содержание имеет глава Башлам «Насихатнамә» Амдами, к произведению которого обратимся чуть позже.

В главе, посвященном Хасану и Хусайну – детям Мухаммада (с.г.с) («Бяне Хәсәнү-Хәсәен разаллаһу тәгалә ганһум»), которая следует далее, поэт пишет об их трагической смерти, называя их «Коррәтел-гайнин» (ике күз карасы – драгоценные, как зеницы ока дети), «Жәкәр бәнде Солтаны Шаһы Кәүнәйн» (ике галәм шаһы Мөхәммәд пәйгамбәрнең кадерле бәгырь

кисәкләре – бесценные сокровища души падишаха двух миров Мухаммада (с.г.с.).

Заканчивая главу, поэт Хувайда просит прощения у Всевышнего за бесконечные грехи, которые он совершал, и признается в том, что «нет у него добрых деяний, что бы он делал все эти годы – все неправильно»:

Тофиле яхшылар, и Падишаһым,
Кичергел гәрчә бихәддер гөнаһым.
Ки мәндә юк торыр һич яхшы әгъмал,
Ни кылганым хата ирер һәммә сал.

Такое уничижительное высказывание по отношению к себе присуще авторам поэзии суфийского направления, в частности, наставлениям упомянутого ранее поэту Амдами.

Автор в данной главе еще и еще раз напоминает о милости Всевышнего Аллаха, о благах, дарованных им людям, а также о том, что нужно довольствоваться тем, что мы имеем по воле Всевышнего:

Ходайа, юк идек без, бар кылдың,
Тәне сәлам биреп, дәркәре кылдың.
Кани бездә фәрасәт, фәһм кылсак –
Сәнең нигъмәтләренгә шөкер кылсак?

Далее поэт Хувайда перечисляет те блага, которые дарованы человеку Аллахом, что также часто встречается в произведениях поэтов суфиев: это острые глаза, которыми человек воспринимает окружающий мир; уши дарованы для того, чтобы слышать слова Корана (при этом поэт отмечает, что не нужно слушать плохие слова, не осквернять свой слух их звучанием, не быть тем, кто сошел с пути истины). Язык дан человеку, чтобы он повторял имя Всевышнего, истинная вера (иман) дана человеку для того, чтобы он понял и оценил все блага, которым наделен человек уже при рождении:

Биреп сән, шөкруллаһи, чәшме бина
Кылырмыз һәр тараф бакып тамаша.
Колак бирдең ишет дип, ләфзы иман,
Яман сүздин ишетмә, юл гөризан.
Кылып мән, телне биреп, безне гүя
Үзеңнең зикреңә кылгыл мөһәййа.
Агыз бирдең кылырга зикру-тәсбих,
Күңел бирдең, иман һәм аңа мөслих.

Аяк бирдең йөрергә сәви тагать,
 Барып мәсжид сари кыл дип гыйбадәт.
 Дәмаг бирдең кылырга хуш мәшамә,
 Белергә тәлху-ширин бирде кәмә.
 Биреп сән безгә мондаг нигъмәте хас –
 Моньң шөкрене әйләргә кани нас?

Поэтому нужно быть Благодарными Всевышнему. Данные строчки также являются поэтическим изложением известных сур Корана.

Подытоживая свою мысль к концу данной главы, Хувайда опять же напоминает читателю о том, что за все это мы должны быть благодарны Всевышнему:

Ходага шөкер бездин иртә вә шам,
 Салыпдыр ватанымызны дар шәһрислам.

В этой части произведения далее следуют размышления автора по поводу своей жизни, о том, насколько он сам живет по предписаниям Ислама. Обращаясь к себе, поэт еще и еще раз пишет о довольстве, обращается ко Всевышнему с тем, чтобы Он принял наши молитвы и отвел от неправильных поступков. Мы желаем этого, так как нет другого, на кого могли бы мы полагаться, – рассуждает автор:

Булай шакир, һӨВӘЙДА, и кәминә,
 Ходайның һәр ни биргән нигъмәтенә.
 Кабул кылгыл, Ходайа, шөкремезне,
 Кабәхәтлыкга салма фикремезне.

В этой главе автор еще раз упоминает свое имя и рассуждает о смысле жизни. Умудренный жизнью поэт обращается с высоты своих лет к тем, кто остается после него: «Не радуйся нажитому богатству, так как многие, также как я, держались за земные блага, стремясь найти в них поддержку, опору, создали семью, строили дом. Но пришло время, оставив все, ушли, легли в землю. Всех постигло это – и друзей, и близких, и знакомых, все ушли: и стар, и млад. Все ушли в иной мир, не оставив после себя ни имени, ничего». Вот философия автора, касающаяся смысла жизни. При этом поэт думает о душевной и телесной чистоте, пишет с надеждой на то, что он оставит после себя в память книгу, которая даст успокоение его душе:

Күнелдә әйләем ошбу бәһанә,
 Дидем: «Булгай бу мәктүвим нишана».

Ки мәндин калса, ди, ядым ядкәри,
Китабым китсә һәр шәһре-дийари.
Улып шайәде ираннар шат булгай,
Догада рухы пакем йәсәд кылгай».

Таким образом, автор указывает причину того, зачем он написал данное произведение: //«Подумал, пусть мои мысли (секреты), будут известны,/ И пусть после меня останется в память обо мне Книга,/ которая была бы известна в каждом городе-округе./ Надеюсь, что истинные мужчины будут рады (моей книге),/ И будут вспоминать в молитвах мою чистую душу»//

Так заканчиваются главы, которые по смыслу и содержанию можно отнести к части Башлам.

Далее по тексту следует вышеупомянутая глава «Дәрбәяне китабу вә исме мөсәнниф рәхмәтуллаһу тәгалә, которую по содержанию можно отнести к главе Мунаджат. Кроме вышесказанного, об имени автора и некоторых биографических данных, здесь также можно узнать о названии и о цели создания автором данного произведения.

Китабымның атыдыр – «Рәхәте-дил»,
Ирер һәрбер сүзе тәнбиһе гафил.
Укып яд әйләңез: «Аллаһү әкбәр!»
Дога әйләп динез, яру-бөрадәр.
Догадин үзгә сезләргә сүзем юк,
Бу дөнъяда сүзем калгай, үзем – юк».

Как следует из этих строк, название произведения – «Душевная благодать», она предназначена для предупреждения (назидания) необразованных (неучей). Автор надеется на то, что всякий, кто познакомится с этим произведением, скажет «Аллах велик!», словами молитвы вспомнят его. Таким образом, поэт приравнивает свое произведение некоей молитве за тех, кто остается в этом мире.

Основная часть произведения состоит из многочисленных рассказов, разных как по объему, так и по содержанию, но объединенных единой целью. Книга направлена на назидание и наставление читателей на праведный путь, воспитание людей по канонам шариата. В самом начале произведения возникает конфликт между деяниями человека, направленными на получение земных радостей, физического удовольствия от вкусной еды, богатой одежды и др. и служению Всевышнему Аллаху, выражаемое чте-

нием Корана, пятикратного намаза, совершением добрых дел. Суть основного конфликта, заложенного в идейный замысел изучаемого произведения, можно оформить как конфликт духовного и материального.

В отличие от некоторых суфийских поэтов, которые напрямую призывают совершать благие дела, и, наоборот, не поддаваться соблазну мирских удовольствий, не подчиняться чувству нафса (алчности), поэт Хувайда демонстрирует это более доходчиво, на жизненных примерах. Одним из таких глав является «О том, как три брата нашли в дороге клад и из-за своей алчности погибли» («Хикаятүл-хамсүн. Өч карендәш сәфәрдә кәнже табып, нәфсе вә Шәйтанга әүварә булып һәлак булганнары»). Замысел сюжета не сложен, он уже заложен в его заглавии. На этом жизненном примере автор произведения обращает внимание читателя на последствия человеческой алчности. Все главы посвящены назиданиям по поводу веры и преклонения Всевышнему Аллаху, и наоборот, поэт призывает читателя не быть рабами своих страстей, не преклоняться мирским богатствам, не служить дьяволу в облинии денег и богатств. Иначе, пишет автор, всех ждет наказание в виде адских мук. В Судный день не будет таким людям покровительства, не поможет отец – сыну, мать – дочери. Каждый человек, в конечном счете, получит по заслугам, по тем богоугодным делам, которые совершал, пребывая на земле. Человек, не знающий и не думающий о будущей загробной жизни, будет раскаиваться, но будет поздно, напоминает автор. Все люди предупреждены об этом, но в мирской суете они забывают о своей вере, о служении Всевышнему, размышляет поэт. Он призывает читателей не быть равнодушными, задумываться о своей душе, не предаваться мирским утехам, не собирать материальные блага, так как все в этом мире – бренно, а вечна только душа.

Логически обосновано и то, что в тексте произведения довольно часто упоминается имя пророка Мухаммада, звучат выдержки из сур Корана, тем самым, подтверждается мысль о том, что поэт пишет не только свои умозаключения. Наставления, подтвержденные сурами из Корана, рассказы из жизни пророков вызывают у читателя доверие, возникает некое правдоподобие рассказанного события.

Язык и стиль его историй сравнительно просты, но часто встречаются метафоры, эпитеты пророков, что, в основном, было понятно образованному человеку своего времени. Рассматриваемое нами в рамках региональной литературы произведение суфийского направления сближает с литера-

турой адаба целевая установка на назидательность и нравоучение. Данное произведение основано на исламской теории и направлено передать читателю специальные религиозные познания и преподать уроки морально-этического характера. Главная цель человека в такого рода произведениях – подготовка человека к иной жизни.

Благодаря научным изысканиям ученых-литературоведов, одним из первых объемных литературных произведений, созданных в Сибири, была исследована «Книга наставлений» («Насихатнамэ») поэта Амдами. В вышеупомянутом труде Р.Фахрутдинов отмечает, что у него имеется рукопись «Книги наставлений», где указана точная дата написания произведения (конец XVII – начало XVIII вв.) и имя его автора – Худжа Шукур бине Гавас-бай, там же отмечается, что автор, посвятивший свое произведение «Стару и младу народа Таб», являлся «главой» – духовным наставником народа тобольских татар, исполнял обязанности ахунда-священнослужителя [13, с. 4-35].

Содержание произведения религиозного характера, этим можно объяснить тот факт, что издававшийся несколько раз в XIX веке, в советский период был предан забвению. Об авторе данного поэтического сочинения известно очень мало. Некоторые биографические данные о нем удалось обнаружить только в его произведении. Автор в своем творении называет себя именем Амдами (Һамдам), смысл которого близок к словам «близкий друг», «ближний»:

Нәфсе әһледин әвергел йөзеңне,
Һәмдәме ит дәрвишләргә үзеңне.

Или:

Һәмдәм улдыр, ул сәңа биргәй үгет,
Юк ки, бер файдасыз коры сөкүт.

В каждом из этих строф упоминается псевдоним самого автора, который, обращаясь к читателю, объясняет замысел своего произведения, который заключается в том, чтобы дать некоторые назидания, наставления по поводу морально-этических норм поведения человека в обществе. Автор также подчеркивает, что его произведение – это дар, переданный из рук самого Гаттара.

Бу «Нәсыйхәтнамә»не, кем, кылдым бәян,
Шәйхе-Гаттар әйтеп ирде, бел гәян.

Башта тажиклар теле берлә иде,
 Һәмдәми төрки теле берлә тиде.

Это указывает на переводной характер произведения, и что оно создано на основе идей суфизма и под влиянием поэмы персидского поэта Ф.Гаттара «Панднамэ». При этом в следующих же строчках Амдами подчеркивает также свое авторство:

Һәмдәми бирде сәңа бу пәндне,
 Һәмдәми изде сәңа бу кандне.
 Һәмдәми әйтер сәңа, кем, и газиз,
 Кер үзең дә, бар исә гакул тәмиз.

Многие поэтические строки «Насыхатнамэ» и «Панднамэ» по содержанию и идейно-смысловой нагрузке сходны. Амдами придерживается основных идей Ф.Гаттара, но не всегда соблюдает до конца этот принцип. Можно считать, что на основе произведения «Панднамэ» Амдами создал свое творение, которое соответствует новому времени и новым представлениям о морально-этических нормах поведения человека в обществе.

Как отмечено самим поэтом в стихотворных строфах, чтобы понять главную идею произведения, нужно иметь чистые намерения и светлый ум. Так, в ходе ознакомления с текстом можно встретить некоторые разъяснения автора по поводу написания своей книги, своих желаний и намерений.

Поэма состояла, по утверждению исследователей и самого автора, из тысячи строф-байтов, но до нас дошло всего 930-950 строк (хотя «тысячи строф» может быть и поэтизированной метафорой). В самом произведении есть следующие строки:

Бу «Нэсыйхэт-намэ» булды мең бәет,
 Дусларга бәян мәндин ит.

Тематика поэмы Амдами «Насихатнамэ» довольно обширная. Поэма подчинена дидактическим задачам; но здесь нет логически выстроенного единого сюжета, нет и отдельных героев. В каждой главе произведения Амдами затрагивается определенная проблема морально-этического характера, после которой обязательно следуют наставления автора по поднятой проблеме.

В период Средневековья дидактика, назидания, советы и увещевания становились традицией тюркоязычной поэзии. Следуя данным традициям, в своей книге Амдами преследует ту же цель, которая стояла перед суфийской литературой: указать путь, ведущий к познанию мудрости правления,

житейского обихода и общения с людьми. Поэт-суфий призывает быть терпеливым всегда и во всех ситуациях: в дружбе и во вражде, в горе и в радости. Произведение состоит из многочисленных глав, направленных на религиозную дидактику и наставления. Здесь же нужно подчеркнуть, что в рассуждениях суфийских писателей было много общего и традиционного, к тому же и «литературные традиции Средневековья не очень поощряли оригинальность темы, ценно было раскрытие уже известной тематики из различных и новых аспектов» [14, с. 28].

Анализируемое произведение направлено начитанному читателю, который разбирается в вопросах религиозной морали и философии, а также имеет жизненный опыт. Композиционное построение служит раскрытию авторского замысла.

Книга «Насихатнамэ» начинается с традиционного предисловия, где возносится хвала Аллаху, затем пророкам, после чего объясняется причина написания данного произведения.

Итэлэм Аллага шөкер бикьяс,
Кем, бирептер безгә мөлек бикьяс.

Разумеется, что для поэта-суфия под богатствами имеются в виду не материальные, а духовные ценности, о чем дает пояснения автор в своем произведении. Здесь автор упоминает о пяти дарах Всевышнего, данных человеку – это глаза, язык, сила слова, руки, ноги. Как мы уже встречали у поэта Хувайды, Амдами также пишет о том, что человек – это само совершенство, ибо ему все даровано Аллахом:

Кайсыдыр ул мөлек гәр сорса кеше,
Безгә тиде ул жавапның итеше.
Гакыл бирде белмәгә, күрмәгә – күз,
Әйтмәгә телне бирде, телдә – сүз.
Тотмага ал бирде, гизмәгә – аяк,
Бармыдыр мөлкәт болардин яхшырак?

При этом автор напоминает читателю о том, что, имея руки для того, чтобы держать, ноги для того, чтобы ходить, можем ли мы говорить, что есть богатство лучше?

Многие мысли, заложенные в стихотворные строчки поэта, являются своего рода пояснением, трактовкой отдельных сур Корана.

Кем, бер уч туфракка бирде гакылдин,
Афәрин, ул падишаһа әфәрин!

Ул ки Адәмгә киередер рухны,
Саклады туфран суыдин Нухны.

Автор восхваляет Всевышнего Аллаха, так как только ему подвластно все мироздание, перечисляются его деяния, за которые человек должен быть благодарным и не должен ни на минуту забывать о нем.

В главе «Мунаджат», где по традиции суфийской литературы автор должен оставить о себе какие-либо данные. Здесь у Амдами следуют философские рассуждения о жизни, о том, что уже упущено, как следовало бы жить, чтобы стать на праведный путь. Конкретные данные по биографии поэта, к сожалению, в произведении отсутствуют.

В основной части следуют многочисленные главы (автор их называет как у Ф. Гаттара «Пәнду-нэсыйхэт» («Назидания и наставления»), направленные на нравоучение и религиозную дидактику.

Основная идея связана с понятием «нафса», которая трактуется как одно из главных зол общества и преподносится как алчность, жадность, ненасытность. Совершенным для суфия является человек, который победил в себе это чувство, он подобен Ною, который был предупрежден Всевышним и смог пережить на своем ковчеге всемирный потоп. По мнению поэта, только с помощью Всевышнего Аллаха можно бороться с нафсом, с самым главным пороком человечества. Автор предупреждает образованного читателя о том, что он должен соблюдать четыре правила: держаться подальше от злых людей, самому не совершать зло и избегать его, не соблазняться богатствами и обманчивостью жизни, не дружить с людьми, имеющими плохие привычки.

Таким образом, Амдами по всему тексту излагает дидактические умозаключения, перечисляя правила (нормы) поведения в обществе с позиции поэта-суфия. Основное, что должен делать человек, борющийся с чувством нафса, по мнению автора, это – читать Коран, говорить правду, быть в молитве и восхвалять имя Аллаха. Не греши, ибо ты отдалишься от Всевышнего, не живи понапрасну, говори и молись во имя Аллаха – вот основной смысл назиданий автора данных поэтических строк. При этом автор считает, что упрямство, жадность, обидчивость и зависть – это четыре качества человека, которые не достойны уважения.

В произведении лирический герой много размышляет о праведной жизни, глубоко задумываясь о совершенных деяниях. Он желает спасти свою

душу и надеется, что в этом ему поможет крепкая вера. Из немногочисленных биографических данных известно, что Амдами был образованным человеком своего времени, принадлежал к высшему сану духовенства, он не мог не соблюдать основных требований шариата, которых придерживался каждый мусульманин, следовательно, не могло бы быть ничего предосудительного в его деяниях и поступках, что могло послужить причиной для огорчений и сожалений. Поэтому можем предположить, что содержание «Насихатнамэ» – это поэтическое обращение к читателю поэта-суфия, напоминающее ему о том, что всегда нужно помнить о Всевышнем и строить свою жизнь по канонам ислама. Поэма адресована грамотному и религиозно образованному читателю, который знаком с идеями суфизма, так как познание сути этого произведения требует глубокой образованности в сфере учений ислама.

Сам факт написания такого объемного произведения в стихах, а также результаты подробного разностороннего исследования «Книги наставлений» дают возможность сделать выводы о том, что в изучаемом регионе были развиты литературные традиции, и что этот автор не мог быть единственным писателем данного направления.

Таким образом, можем обратить внимание на то, что в рассмотренных произведениях много перекликающихся моментов. Как Амдами, также и Икани, веря в силу художественного слова, служили одной идее. Произведения носят философско-нравоучительный характер, направлены на воспитание у читателей морально-этических норм поведения по требованиям религии ислама. Поэты поднимают проблему воспитания и самовоспитания личности. Здесь удачно сочетаются мистические и мифологические представления о мире, использование религиозно-мифологических и мистических символов и образов усилило смысл и идейное содержание дидактических наставлений.

Таким образом, можем сделать следующий вывод о том, что на протяжении нескольких столетий художественная тюрко-татарская литература дидактико-просветительского, нравоучительного содержания выполняла очень важную просветительскую миссию и удовлетворяла духовные нужды и запросы представителей разных тюркоязычных народов. К таким произведениям, которые в свое время, бесспорно, занимали достойное место в образовании и воспитании людей, можем отнести анализируемые в данной

работе творения поэтов средневековья Икани, Хувайды и Амдами, введенные в научный оборот благодаря изысканиям ученых в последние десятилетия.

Литература

1. Сайфулина Ф.С. Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 296 с.
2. Сайфулина Ф.С., Талипова Г.М. «Насихатнамэ» Амдами – литературный памятник средневековья (текстологический анализ). – Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009. – 180 с.
3. Сайфулина Ф.С., Талипова Г.М. Произведение Амдами «Насихатнамэ» в контексте суфийской литературы средневековья // Вестник Башкирского университета. Сер. Филология и искусствоведение, 2010. – Том 15. – №1. – С. 124-127.
4. Яхин Ф.З. Урга гасырлар татар әдәбияты // Татарская литература средних веков. – Казан: Раннур, 2003. – 415 с.
5. Фәхретдин Р. Беренче жөзъә / Р. Фәхретдинов – Казан: Университет басмасы, 1900. – Б.30-31.
6. Гарифуллин И.Б. Себердә татар китапханәләре // Тумашевские чтения: Актуальные проблемы тюркологии: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Тюмень: ТюмГУ, 2007. – С. 52-55.
7. Белич И.В. «О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири» (К 100-летию публикации Н.Ф.Катановым рукописей Тобольского музея) / И.В.Белич // Проблемы истории Казани: современный взгляд. – Казань, 2004. – С. 480-502.
8. Белич И.В. О 366 «Друзьях Аллаха» // Сулеймановские чтения, материалы VIII межрег. науч.-практ. конф. – Тюмень: ИПЦ «Экспресс», 2005. – С.33-36.
9. Белич И.В. Письменные источники по исламизации Сибири / И.В.Белич // Второй международный симпозиум Исламская культура в Волго-Уральском регионе. – Казань, 2005. – С. 32-36.
10. Бакырган китабы: XII–XVIII йөз төрки-татар шагыйрьләре әсәрләре / Текстларны басма өчен Ф.Яхин әзерләде. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2000. – 239 б.

11. Яхин Ф.З. Суфийские идеи в творчестве Шаиха Икани // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Менделеевские чтения»: Образование и культура как фактор развития региона. – Тобольск: ТГПИ, 2006. – С. 189.
12. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // Ежегодник Тобольского Губернск. музея. – Тобольск: Типография Епарх. Братства, 1904. – Вып. XIV.
13. Фәхреддин Р. Асар. – Казан: Рухият, 2006 – С. 34-35.
14. Миннегулов Х.Ю., Садретдинов Ш.А. Памятники татарской литературы XIX в. – Казань, 1982. – С. 28.